

Армения в контексте украинского кризиса: Новая «финляндизация»?

Сергей Минасян

© 2015 Институт Кавказа, Ереван

Аналитические записки.

Январь 2015 г.

www.c-i.am

Аналитические записки Института Кавказа. Ереван, Январь 2015.

Автор: Сергей Минасян, доктор политических наук, заместитель директора
Института Кавказа

Редакторы: Нина Искандарян, Грант Микаелян

Украинский кризис создал кардинально новую политическую ситуацию, которая подвела итог не только постсоветской истории последних десятилетий, но возможно – всему ходу мировой политики после Холодной войны в глобальном масштабе. Ни один из политических процессов, ни один из уголков постсоветского пространства не избежал влияния украинских событий и прецедентов. Анализу проекций украинского конфликта на все остальное постсоветское пространство и посвящен данный доклад.

АРМЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА: НОВАЯ ФИНЛЯНДИЗАЦИЯ?

Крымский прецедент и Армения: выбор без выбора	2
Комплементаризм в новом контексте	5
«Финляндизация» Армении: пример или исключение для постсоветского пространства?	7
Заключение	11

Украинский кризис создал кардинально новую политическую ситуацию, которая подвела итог не только постсоветской истории последних десятилетий, но возможно – всему ходу мировой политики после Холодной войны в глобальном масштабе. Ни один из политических процессов, ни один из уголков постсоветского пространства не избежал влияния украинских событий и прецедентов.

Головокружительная динамика политических процессов потребовала как оперативных решений, так и более широких и долговременных подходов к модусу внешнеполитического поведения стран постсоветского пространства. И Армении, и другим постсоветским странам пришлось переформатировать свои взаимоотношения с ведущими региональными и внерегиональными геополитическими акторами. По мере возвращения геополитики на постсоветское пространство не исключено, что некие новые (или хорошо забытые старые) внешнеполитические концепции и классические подходы реал-политик периода Холодной войны также станут более востребованными некоторыми из постсоветских государств.

Крымский прецедент и Армения: выбор без выбора

Армения, как и ее соседи по постсоветскому пространству, оказалась абсолютно не готова к неожиданному и стремительному развитию событий вокруг Украины, особенно после российского вовлечения в Крым. В первую очередь это выразилось в официальной позиции Армении в отношении происходящих событий, а в вернее – в отсутствии таковой почти в течение месяца. По обе стороны конфликта проживают армяне. В различных регионах Украины по официальным данным на 2001 год жило свыше 100 тыс. этнических армян и граждан Армении. По неофициальным оценкам, сейчас их численность намного больше. Так, армянская община численностью более 10 тыс. человек столетиями традиционно живет в Крыму, не менее 25 тыс. армян живет в Донецкой и Луганской областях. В России имеется огромная армянская диаспора – более миллиона человек. Соответственно, публичным фальстартом, то есть преждевременной демонстрацией своей позиции, Армения поставила бы под угрозу этнических армян и граждан Армении по обе стороны политического противостояния в Украине и вокруг нее. Поэтому лишь через месяц после свержения президента Януковича, 19 марта 2014 г. армянский президент Саргсян в ходе

телефонного разговора с президентом Путиным выразил поддержку проведенному в Крыму референдуму, тем самым продемонстрировав позицию официального Еревана.

27 марта в Нью-Йорке, на заседании Генеральной Ассамблеи ООН Армения проголосовала против резолюции, поддерживающей территориальную целостность Украины и признающей незаконным референдум в Крыму. Армения оказалась одной из 11 стран, высказавшейся против резолюции, наряду с КНДР, Суданом, Кубой, Колумбией, Зимбабве, Сирией, Венесуэлой, Беларусью и Никарагуа. За резолюцию и, соответственно, против референдума в Крыму проголосовали 100 стран – членов ООН, воздержались – 58 стран. Еще 24 страны не приняли участие в голосовании и тем самым также не поддержали направленную против России резолюцию.

Прозападно настроенная часть армянского общества – в первую очередь студенчества и неправительственного сектора – была возмущена тем, что Армения выступила против западных стран на стороне России. Популярность приобрела следующая формулировка: «Армения оказалась в одной компании с Северной Кореей».

Впрочем, позицию официального Еревана в ООН поддержало большинство армянских парламентских партий, включая оппозиционные. Консолидация власти и оппозиции в Армении относительно резолюции в ООН была мало связана с отношением к Украине как таковой. Впрочем, в этом контексте упоминался тот факт, что уже более двух десятилетий, со времен карабахской войны первой половины 1990-х гг., Украина является одним из ключевых поставщиков вооружений противостоящей Армении стороне карабахского конфликта – Азербайджану. Более того, официальный Киев, как член ГУАМ и фактический союзник Азербайджана, активно поддержал проазербайджанские резолюции по Карабаху при голосованиях в Генеральной Ассамблеи ООН в 2008 и 2012 гг. Однако позицию официального Еревана в отношении Киева обусловили отнюдь не старые обиды.

Как утверждало армянское руководство, дело было и не в необходимости выбирать между Россией и Западом. Проблема была в другом: текст резолюции по Украине содержал положения, противоречащие позиции Армении в карабахском вопросе. В частности, в одном из пунктов резолюции говорилось, что прошедший в Крыму референдум неправомерен и «не был санкционированным в Украине». Согласие с этим утверждением вступило бы в противоречие с «Мадридскими

принципами» – в настоящее время основным переговорным документом по карабахскому конфликту, разработанным странами-сопредседателями Минской группы ОБСЕ (США, Францией и Россией). Согласно Мадридским принципам, проведение референдума в Нагорном Карабахе – ключевой механизм урегулирования конфликта и международно-правовой легитимации окончательного статуса Нагорного Карабаха.

Соответственно, голосуя по крымской резолюции, Ереван исходил из собственных политических приоритетов, и именно на их основании было принято политическое решение: участвовать в голосовании и не воздержаться, а голосовать против. В любом другом случае позиции Армении в карабахском конфликте стали бы более уязвимыми.

Проведение референдума в Крыму лишило сакральности идею нерушимости постсоветских границ. Можно сказать, что крымский прецедент забил последний гвоздь в крышку гроба неприкосновенности бывших советских административных границ. Глубокий кризис современного международного права стал как причиной, так и следствием признания Косова со стороны Запада в феврале 2008 г., дополненного практически односторонним признанием Абхазии и Южной Осетии со стороны России в августе 2008 г. Можно предположить, что свою роль здесь сыграло и признание Турцией Северного Кипра еще в далеком 1983 г.

Ныне действующее международное право во многом является следствием, инерцией и атавизмом Холодной войны. События конца двадцатого века – распад СССР, Югославии и Чехословакии, а также исчезновение ГДР, еще одного подписанта Заключительного акта СБСЕ 1975 г. (когда и было фактически кодифицировано нынешнее международное право, зафиксировавшее ситуацию периода Холодной войны) – продемонстрировали, что международное право пока еще не смогло адаптироваться к новой мировой политике. Процесс эрозии международного права длится уже почти четверть века и будет продолжаться до тех пор, пока оно не будет приведено в соответствии с новыми реалиями, среди которых и Косово, и Карабах, и многие другие подобные случаи.

Впрочем, несмотря на заверения чиновников, позиция Армении определялась не только возможным прецедентом Крыма для Карабаха, но и инстинктом самосохранения на фоне растущего военного могущества России, достигшего пика за последние четверть века. Как, вероятно, и рассчитывало армянское руководство, открыто выступая военно-стратегическим партнером России в ходе голосования в

ООН по крымскому референдуму и последующего голосования в ПАСЕ в апреле 2014 г., Армения может надеяться на ответную поддержку Москвы как в карабахском конфликте, так и в других вопросах.

Что же касается отношения Запада к позиции Армении, то армянские власти явно рассчитывают, что рано или поздно западные партнеры поймут и простят. Более того, создается впечатление, что по итогам украинского кризиса в ряде европейских столиц уже происходит некоторое переосмысление подхода к Армении и другим участникам программы «Восточного партнерства» ЕС с учетом того горячего дыхания, которое сейчас чувствуют за своей спиной постсоветские страны.

Кроме того, хотя события вокруг Украины и вызвали ухудшение российско-западных отношений, Западу и России все же необходимо поддерживать контакты по проблемам мировой политики, представляющим взаимный интерес – таким, как иранская и северокорейская ядерные программы, сирийский кризис и т.д. А значит, Россия и Запад будут заинтересованы в сохранении существующих форматов взаимодействия. Их немного, и один из них – Минская группа ОБСЕ по урегулированию карабахского конфликта. Армения тоже заинтересована в активной работе Минской группы, позволяющей Армении не снижать уровень политического диалога с такими ключевыми западными странами, как США и Франция.

Комплементаризм в новом контексте

В новых условиях Армении будет намного сложнее сохранять внешнеполитический баланс между Западом и Россией, не вызывая приступов ревности с обеих сторон, то есть реализовывать политику сбалансированного «комплементаризма», ставшую своеобразной визитной карточкой армянской внешней политики в постсоветский период. При этом и в Армении, и в других постсоветских странах есть общественно-политические круги, всерьез считающие, что дальнейшее усиление России и ужесточение ее соперничества с Западом угрожают суверенитету их стран и могут привести к потере независимости. Особенно такого рода политизированные настроения и эмоциональные опасения были заметны с осени 2013 г. по осень 2014 г., когда оформлялся процесс присоединения Армении к Евразийскому экономическому союзу с участием России, Беларуси и Казахстана.

Вплоть до 10 октября 2014 г. этот процесс во многом с опаской воспринимался частью политического спектра Армении, причем не только оппозиционного, но и провластного, в контексте возможных потерь для суверенитета или даже независимости в новом экономическом, а по сути – геополитическом проекте под эгидой Москвы. Вне зависимости от реалистичности такого рода опасений, очевидно, что Армения нуждается в сохранении балансирующего вовлечения ЕС и США, но не в той степени, чтобы опять столкнуться с угрозой геополитического и оттого весьма небезопасного выбора между Западом и Россией.

В этом смысле многое зависит от готовности к реальной институциональной вовлеченности самого Запада, и в частности ЕС, в развитии дальнейших отношений с Арменией. Маловероятно, что в обозримом будущем ЕС сможет предложить Армении реальные соизмеримые российским гарантии безопасности как на карабахском направлении, так и в отношениях с Турцией. До сих пор Брюссель был даже гипотетически не в состоянии предложить Армении что-то такое, чтобы Ереван хотя бы задумался о возможности выбора. Впрочем, сложно сказать, какого рода гарантии безопасности Евросоюз смог предложить другим своим партнерам на постсоветском пространстве, вроде бы сделавшим геополитический выбор в его пользу. Тем не менее, если дальнейшие взаимоотношения Еревана с ЕС от попыток внести в них элемент геополитического противоборства перейдут в сферу технических мер по углублению экономического и политического взаимодействия, то тогда Армении, возможно, при благоприятных обстоятельствах удастся совместить евроинтеграцию с военно-стратегическим партнерством с Россией.

В любом случае, Армения откажется превращать себя в площадку геополитического противостояния, в каковые превратились Украина, Грузия, Молдова и отчасти Азербайджан. В отличие от других стран-участниц программы «Восточного партнерства», Армения за такой выбор заплатит не только потерей территорий, но и геополитической и гуманитарной катастрофой и даже риском потери государственности. После присоединения к России Крыма Армения остается единственной страной-членом «Восточного партнерства», кроме Беларуси, полностью контролирующей свою территорию (точнее, ту, которую ее политические элиты считают своей). После крымских событий Украина присоединилась к Азербайджану, Грузии и Молдове в почти аналогичном статусе. Армения вряд ли захочет повторять этот опыт.

В свое время в августе 2008 г. Армении удалось сохранить нейтралитет в отчасти схожей ситуации в ходе «Пятидневной войны» между ее ключевым военно-политическим союзником – Россией – и исторически близким соседом и важнейшим коммуникационным партнером – Грузией. Однако в ходе нынешнего украинского кризиса у Армении существенно сужены возможности для маневра. Тем более, что по своим масштабам и возможным последствиям во взаимоотношениях России с Западом кризис вокруг Украины абсолютно не сопоставим с российско-грузинской войной августа 2008 г. Многие комментаторы и политические деятели даже называют украинский кризис возвратом к Холодной войне. Так это или нет – покажет ближайшее будущее, однако однозначно, что процесс будет иметь далеко идущие последствия, а Россия и Запад будут ужесточать борьбу за сферы влияния на постсоветском пространстве, в том числе и на Южном Кавказе.

Если речь идет о возвращении к чему-то похожему на Холодную войну (как минимум на постсоветском пространстве и в прилегающих регионах), пусть в ее несколько размытой форме, то как внешние акторы, так и сами постсоветские страны будут вынуждены соответствующим образом реагировать, в том числе беря на вооружение те политические подходы и концепции, в той или иной степени доказавшие свою эффективность в классический период биполярного противостояния времен Холодной войны. Одним из таких подходов может быть своего рода «финляндизация» внешней политики некоторых постсоветских стран, на данный момент наиболее четко проявленная в Армении.

«Финляндизация» Армении: пример или исключение для постсоветского пространства?

Образно говоря, по результатам украинских событий к весне 2014 г. Армения оказалась в одной компании не с Северной Кореей, а с Финляндией, только не нынешней, а времен Холодной войны. Впрочем, в Армении эта внешнеполитическая концепция зародилась сразу после обретения независимости в 1991 г. Тогда постсоветская Армения в своей внешней политике сохраняла баланс между Россией и Западом, отличаясь в этом плане от многих соседей по постсоветскому пространству.

Если некоторые постсоветские страны в своей внешней политике за последние четверть века основывались на противостоянии с Россией при поддержке западных стран (ряд стран Балтии, Украина в период президентства Ющенко, Грузия при Саакашвили), то Армения избрала иной путь: пытаться совмещать взаимно противоречащие интересы Запада, России и даже Ирана.

Термин «комплементаризм» во внешнеполитический лексикон страны ввел Вардан Осканян, министр иностранных дел Армении в 1998–2008 гг., но на деле эта концепция начала реализовываться намного раньше, еще с первых дней независимости. Вообще, первые годы независимости – наиболее показательный этап армянского комплементаризма. В разгар карабахской войны, используя уникальную внешнеполитическую конъюнктуру, Ереван получал оружие и военную технику от России, деньги на развитие экономики – от американцев, продовольствие и гуманитарную помощь – от европейцев (поступавшую к тому же через территорию Турции вплоть до марта 1993 г.), а топливо для воюющей армии – из Ирана.

Впоследствии Армения постепенно превратила комплементаризм в довольно отточенную технику. Причем в определенных случаях комплементаризм давал возможность Еревану как уравновешивать излишнее влияние Москвы в регионе, так и наоборот – сдерживать США или европейцев, например, на некоторых этапах карабахского переговорного процесса.

В этом плане армянская внешняя политика, стремящаяся совмещать интересы России и Запада в зависимости от конкретной ситуации в конкретный период, при одновременном весьма специфическом поддержании баланса с Ираном, концептуально имела много общего с внешней политикой Финляндии в годы Холодной войны. Финская внешнеполитическая концепция, известная также как «Линия Паасикиви-Кекконена», эффективно использовалась официальным Хельсинки примерно с конца 1950-х гг. вплоть до распада коммунистического блока и СССР, позволив путем балансирования между НАТО и Организацией Варшавского договора не только сохранить независимость и суверенитет, но и получить значительные экономические дивиденды. При этом Финляндия, избежавшая и советизации, и втягивания в глобальное противостояние, смогла сыграть особую роль в европейской политике благодаря особым доверительным отношениям одновременно с СССР/ОВД и странами НАТО. Исходя из этих соображений, именно в Хельсинки в 1973-1975 гг. были проведены два заседания и принят Заключительный

акт СБСЕ, ставшие символами разрядки между СССР и Западом и кодифицировавшие основные принципы действующего международного права.

При этом необходимо подчеркнуть, что «финляндизация», как некий осознанный тип проведения внешней политики, абсолютно не означает сохранения зеркального баланса между внешнеполитическими партнерами. Наоборот, в тот или иной период, в зависимости от политической целесообразности, она подразумевает возможность четкой демонстрации политических пристрастий и выражения поддержки одному из полюсов, и последующего возврата к прежней ситуации.

Именно так и поступила Армения весной 2014 г. в разгар украинского кризиса. При этом ничего концептуально нового во внешней политике Армении не произошло. Просто в силу текущего военно-политического доминирования одного из элементов системы – в данном случае России – стал заметным и соответствующий крен во внешней политике Армении. Но и не более того.

«Финляндизация» – далеко не универсальный способ внешнеполитического позиционирования, но сейчас для Армении именно она наиболее безопасна. Как и Финляндия в годы Холодной войны, вынужденная под давлением СССР отказаться от участия в послевоенном «Плане Маршалла», нынешняя Армения в своих экономических и военно-политических отношениях с западными странами будет время от времени вынуждена считаться с мнением Москвы, и наоборот, при дальнейшем углублении сотрудничества с Россией в некоторых случаях учитывать реакцию США и ЕС.

Одновекторную внешнюю политику в разные периоды постсоветской истории реализовывали многие страны. Например, прозападная одновекторность характерна для стран Балтии с момента их независимости, Азербайджана первой половины 1990-х гг., Грузии при Саакашвили, Украины в период Ющенко и после Януковича, нынешней Молдовы. Пророссийская одновекторность была вплоть до начала 2000-х гг. свойственна ряду центральноазиатских стран и Беларуси. Однако в настоящее время в чистом виде одновекторную политику проводит только три из четырех де-факто государств постсоветского пространства (кроме Карабаха), а также Беларусь, вследствие ценностного неприятия Западом режима Лукашенко. В основном для постсоветских стран характерна многовекторность, во многом схожая с комплементаризмом Армении и содержащая определенные элементы «финляндизации». С конца 1990-х гг. такая политика в целом была присуща Украине

(кроме периода правления Ющенко и после Евромайдана), Азербайджану и ряду центральноазиатских стран.

В армянской внешней политике за годы независимости наблюдалась преобладание, в частности, в вопросах комплементаризма. В отличие от Армении, например, Азербайджан свою внешнюю политику менял. Долгое время, в период президентства Абульфаза Эльчибея и в начальный период правления Гейдара Алиева, вплоть до середины 1990-х гг., он придерживался одновекторной прозападной политической ориентации с упором на Турцию как ее проводника, и лишь попытка членства Азербайджана в ОДКБ в 1994-1999 гг. и одновременное начало реализации нефтяных проектов с участием западных компаний заставило Баку уравновесить эту тенденцию.

Как бы на данный момент это не звучало странно, вплоть до начала украинского кризиса из всех постсоветских стран именно Украина проводила наиболее схожую с армянской сбалансированную внешнюю политику по финской модели (принимая во внимание естественную разницу в размерах и географическом положении). В данном контексте важно, что одним из компонентов армянского комплементаризма является наличие влиятельных армянских диаспор и в России, и в США, и в европейских странах, а также в Иране и ряде стран Ближнего Востока. Через каналы диаспор Армения может влиять на политику этих стран применительно к Армении и региону, а они – на внешнюю политику Еревана.

Схожим образом, наличие традиционных украинских общин в ряде восточноевропейских стран, в США и Канаде, с одной стороны, и многослойная субэтническая и семейная интеграция между населением России и Украины – с другой, достаточно долго способствовали сбалансированности украинской внешней политики. Региональная разорванность Украины между западом, центром и юго-востоком, казалось бы, даже способствовала многовекторности внешней политики. Наконец, политика финского типа имела и исторические корни: в Украине, видимо, примерно с XVII века, а в Армении – как минимум с XIX века. Это должно было, по идее, закрепить и практику подобного внешнеполитического поведения, и традицию ее позитивного восприятия в обществах и политических элитах.

Существенное отличие между внешнеполитическим поведением Армении и Украины проявилось в период с осени 2013 г. по весну 2014 гг., в связи со схожей реакцией двух стран к присоединению к Ассоциированному соглашению (АС) с ЕС, которое к этому времени уже превратилась из технического вопроса в вопрос

геополитического выбора. Армения в сентябре 2013 г. отказалась парафировать экономическую часть АС и выразила готовность вступив в продвигаемый Россией Таможенный союз, но при этом Ереван заявил, что согласен подписать политическую часть Ассоциированного соглашения, на что Брюссель ответил отказом. Правительство Януковича также отказалось подписать АС в ходе саммита ЕС в Вильнюсе в конце ноября 2013 г., однако разразившийся в Украине внутривосточный кризис привел к иным внешнеполитическим последствиям.

Заключение

Украинский кризис застал врасплох все постсоветские страны, вынудив их в очередной раз спешно переосмыслить форматы своего внешнеполитического поведения. Способность постсоветских стран реагировать на новые геополитические вызовы во многом будет зависеть от того, насколько устойчивой и продолжительной будет динамика усиления военно-политического и экономического влияния России на постсоветском пространстве, и с какого рода противодействием ЕС и США будет сталкиваться Москва. В конце концов, для того, чтобы постсоветские страны могли бы сохранять баланс между геополитическими полюсами, эти самые полюса должны быть если не равновесными, то хотя бы лежащими в одной весовой категории.

Армянская политика «финляндизации», столь явно проявившаяся как реакция на развитие событий вокруг Украины, стала возможной в силу того, что к 2014 г. Ереван уже имел стабильный опыт двух десятилетий подобной политики. Комплементарная внешняя политика Армении, по многим параметрам аналогичная «финляндизации», является, возможно, не самой удачной, но зато самой безопасной моделью, обеспечившей стране минимизацию рисков и потерь в постсоветский период.

Однако является ли армянская модель «финляндизации» примером для других постсоветских стран (даже для тех, которые, как Украина, почти два десятилетия достаточно эффективно реализовывали схожую политику), зависит уже не только от их собственного выбора. Самым главным фактором будет потенциал тех самых полюсов, которые вовлекаются в региональную геополитическую игру, и их способность сохранять свою роль в качестве элементов внешнеполитического баланса стран постсоветского пространства.

Сергей Минасян – заместитель директора и глава отдела политических исследований Института Кавказа. В 2002 году Сергей Минасян защитил кандидатскую диссертацию по военной истории в Институте Истории Академии Наук Армении. В 2013 году получил степень доктора политических наук в Институте национальных стратегических исследований при Министерстве Обороны Армении. Сергей Минасян является выпускником факультета Международных отношений Ереванского государственного университета (1998) и Ереванской школы политических исследований Совета Европы (2010). Автор около десяти книг и научно-аналитических докладов, а также около 100 научных и аналитических статей по проблемам военной истории и региональной безопасности Южного Кавказа, урегулирования конфликтов и теории международных отношений.

Институт Кавказа (ИК) – один из ведущих мозговых и образовательных центров Армении и Южного Кавказа в целом. Институт осуществляет исследования в сферах политических, социальных наук и в медиа сфере на Южном и Северном Кавказе. ИК также занимается регионоведением в более широком смысле.

Институт Кавказа, основанный в Ереване в 2002 году, предлагает нейтральную платформу для беспристрастных дебатов на актуальные вопросы социально-политического развития региона. Базируясь на собственных исследованиях, ИК проводит экспертные консультации, дискуссии в рамках круглых столов и конференции. Институт Кавказа издает публикации в различных форматах, включая Ежегодник «Кавказ», который подводит итог социального, политического и экономического развитию стран и регионов Северного и Южного Кавказа каждый год.

Институт Кавказа специализируется в том, что совмещает исследования и дебаты с крепкими связями с новостными СМИ, активно вовлекая СМИ с целью знакомить общества и политические элиты региона с результатами исследований. Его широкий охват позволяет ИК оказывать влияние как на профессиональный дискурс, так и на общественное мнение, а также предлагать рекомендации политическим акторам, принимающим решения в Армении и регионе.

С момента основания в 2002 и до середины 2008 года, ИК назывался «КИСМИ» или Кавказский Институт СМИ, подчеркивая свои связи с медиа. Переименование в собственно «Институт Кавказа» отражает расширение спектра активности ИК и его фокусирование на политике, экономике и обществе в расширенном Кавказском регионе.

© 2002-2015

Институт Кавказа

Ул. Чаренца 31/4

0025 Ереван, Армения

contact@c-i.am

www.c-i.am